

Если не мы за себя... или главное правило выживания

Михаил Рутгайзер и Любовь Жаркова

Председатель еврейской общины Миргорода Михаил Рутгайзер — о еврейской истории города и правилах выживания, которым давно пора стать нормой для украинского еврейства.

— Михаил, будем откровенны, ситуация в провинциальных общинах выглядит порой удручающе — там, где до Холокоста бурлила еврейская жизнь, сегодня искусственно поддерживается видимость некой активности. Миргород в этом смысле — приятное исключение — местная община не просто жива, но и жизнеспособна.

— Так сложилось, что в нашем регионе, в отличие от Западной Украины, практически не было еврейских местечек, за исключением Лохвицы — там евреи составляли более половины населения. Довольно много евреев жили в селе Великие Сорочинцы, видимо, благодаря грандиозной ярмарке, где еврей-ремесленники могли сбыть свою продукцию, да и в каждой крупной деревне было несколько еврейских семей, но о еврейских центрах там говорить не приходится.

В самом Миргороде и до войны евреев было немного, а после войны сюда приехали в основном люди, потерявшие всех своих родных и близких в Холокосте или лишившиеся дома. Одним из них был мой отец-фронтовик Давид Рутгайзер — киевлянин, живший в самом центре — на

Красноармейской, квартиру которого после войны заняли другие люди.

Как ни парадоксально, но при небольшом количестве евреев в Миргороде всегда была еврейская жизнь. Правда, большую синагогу в центре города в начале 1930-х годов закрыли «по многочисленным просьбам еврейских трудящихся» (после закрытия в ней поначалу размещался первый цех завода минеральных вод, само здание снесли в 1980-е). Но в городе был подпольный молельный дом, организованный семьей Лернер, где на шаббат собирались евреи — помню, как приходили за моим отцом: «Давид, десятым будешь?». Папа не был религиозен, но никогда не отказывался. Кстати, моя жена (Любовь Жаркова — директор Миргородского благотворительного фонда «Хесед Шахар», — А.Ф.) — внучка одного из прихожан — с детства присутствовала на этих молитвах.

В городе был шойхет — Симон Гуревич, к которому по дороге с рынка приносили курочку, и он ее кошерно резал. Был, как сказали бы сейчас, и.о. раввина Янкель Фишбейн, который вел молитвы и вычислял даты еврейских праздников, сообщая о них всем евреям. Были просто люди, которые до конца дней вели еврейский образ жизни — прекрасные врачи Рабинович и Зайдман — оба одесситы, потерявшие всех во время Холокоста, женившиеся после войны на сестрах-еврейках со схожей судьбой и осевшие в Миргороде. Эти уважаемые в городе люди ставили домашние спектакли на идише, на которые в их маленький домик барачного типа собиралось множество евреев.

— *Насколько я понимаю, эти люди давно ушли, и в 1990-е общину пришлось создавать с нуля?*

— Практически. Дело в том, что и моя семья, и семья жены никогда не скрывали своего еврейства, поэтому стали собирать людей вокруг себя — приглашали на еврейские праздники, на шаббат домой, накрывали стол. Потом зарегистрировали общину и, не подозревая еще о существовании «Джойнта», стали вскладчину проводить еврейские праздники — снимали столовую, каждый приносил какие-то еврейские блюда. Семья Цирюльников-Масохиных — эти люди давно в Израиле — прекрасно готовила фаршированную рыбу на всю общину. Вскладчину покупались карпы, я привозил эту рыбу к ним домой, приходили еще несколько женщин, готовили, потом на каждый стол ставили блюдо — так, вскладчину, община жила несколько лет. Вскоре мы открыли воскресную школу — у нескольких

молодых ребят были учебники иврита, и они стали первыми нашими педагогами (первый учитель иврита в Миргороде — Сергей Горелик, десятиклассник), потом в одной из городских школ арендовали три класса — в одном преподавали иврит, в другом — еврейскую традицию, а в третьем — историю еврейского народа. Я тогда работал директором хлебозавода и благодаря этому познакомился с раввином Яковом Дов Блайхом. Помню нашу первую встречу — он проводил в Миргороде один из первых еврейских лагерей, приехал договариваться о выпечке хал и был удивлен, что вопрос удалось так быстро решить — до этого им отказывали. В ответ на недоуменный взгляд рава Блайха я ответил: «Так я же еврей». Он удивился еще больше: «В Миргороде — еврей!» — и едва ли не расцеловал меня. Потом познакомились с равом Моше Реуеном Асманом, примерно в это же время начал функционировать «Джойнт», но принцип складчины мы во многом сохранили.

— Об этом и хотелось поговорить. Сплошь и рядом мы видим, что без финансирования сверху различные еврейские проекты и целые общины приходят в упадок. Вам, однако, удалось то, о чем мечтают и в более крупных городах — убедить значительную часть прихожан жертвовать на общинные нужды. Секретом не поделитесь?

— Он прост. На каждом мероприятии мы всегда благодарим всех тех, кто помогает жить и развиваться общине, а те, кто не принимает в этом участия, — испытывают неловкость — ведь все евреи ответственны друг за друга, просто об этом надо иногда напоминать. При этом в нашем городе нет не то что евреев-олигархов, даже более или менее крупных бизнесменов не наблюдается — максимум, мелкий бизнес.

Одним из приоритетов для еврейской общины должен быть уход за кладбищем, и в силу своих возможностей мы стараемся соблюдать эту заповедь. Сначала решили поставить достойную каменную ограду — на средства членов общины сделали арку с менорой, чтобы подчеркнуть, что это кладбище еврейское — и горожане знали — евреи о нем заботятся. Потом скинулись, чтобы спилить деревья, покосить траву, а несколько лет назад настал черед поставить памятники людям, которые поддерживали здесь еврейскую жизнь в советское время — как я говорил, у многих из них не осталось никого. Первые памятники установили тем, кто не дал угаснуть в Миргороде еврейской искре, — раввину, шойхету, людям, в чьем доме

собирались на молитвы — они рисковали свободой. Потом дошли руки до памятников на могилах одиноких евреев — всего за счет общины установлен 21 гранитный памятник. В этом году мы смогли купить еще семь камней, параллельно разыскиваем людей, чьи предки захоронены на еврейском кладбище Миргорода, и рассчитываем на помощь от всех неравнодушных, кто стремится выполнять заповеди Всевышнего.

— Но деятельность общины не ограничивается уходом за кладбищем...

— Безусловно, община живет и развивается, в том числе благодаря молодежи. Мы — не закрытое сообщество и открыты для всех национальностей.

Например, недавно наш детский танцевальный ансамбль принял участие в фестивале национальных культур «Україна єдина» на Сорочинской ярмарке. Стараемся воспитывать подрастающее поколение на принципах ответственности и взаимопомощи. Очень трогательно, когда дети приходят домой к пожилым одиноким людям, чтобы поздравить с праздником, принести мацу, провести Шаббат и дать им почувствовать, что они не одиноки. И после такого визита человек еще какой-то период живет этими теплыми чувствами.

— А что скажете об отношении власти?

— Уважительное и партнерское, поскольку власть видит, что мы не перекладываем ответственность за свои проблемы на других. Мы хоть и меньшинство, но каждого еврея очень много (улыбается), каждый из них нам дорог и у каждого есть чему поучиться. В связи с этим всегда вспоминаю, как Александр Розенбаум, будучи на гастролях в Миргороде, потребовал от организаторов отдать первый ряд членам еврейской общины — значит, не порвалась ниточка...

Я часто думаю, как обидно было бы, сохраняя культурную общность две тысячи лет в галуте, растерять её сейчас. Поэтому давайте беречь в себе еврея, через него наши предки говорят с нами о нашем прошлом и о нашем будущем. Быть современными, но всегда оставаться евреями — вот, по-моему, главное правило нашего национального выживания.

Беседовал Александр Файнштейн